

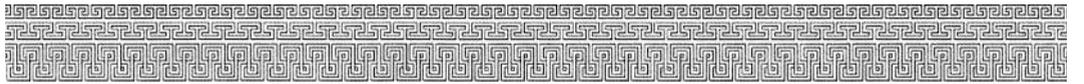
Леонид ПОДОЛЬСКИЙ родился в 1947 году. Окончил Ставропольский медицинский институт. Кандидат медицинских наук. Автор книг «Потоп» (1991) и «Эксперимент» (2012). Готовит к изданию эпические романы «Инвестком» и «Распад» (частично публиковались в виде отрывков). Печатался в журналах «Огонек», «Москва», «Дети Ра», «Зинзивер», «Российский колокол», «Кольцо А», «Зарубежные записки», в «Литературной газете» и «Независимой газете», в альманахах «Московский Парнас», «Золотое руно» и ряде других альманахов и сборников. Лауреат и дипломант премий «Лучшая книга года» и «Герой нашего времени» за книгу «Эксперимент» (2012). Главный редактор альманаха «Золотое руно».

СКАЗ ПРО ИЛЬЮ

(повесть)

— Что мне делать? — пьяно размазывая слезы, вопрошал Илья. — Водку пить? Ружье взять? Пожар устроить? Ох, влип, влип! В страшном сне представить не мог. Когда у пиратов от жажды умирал, мочу пил, на вонючих консервах сидел, пол-Африки прошел... бля... львов в двадцати метрах видел... дев африканских ласкал... Думал, любовь... Ждет меня, мечтал, хохлушка моя... Накось выкуси, ждет! Змея коварная... Любовь... О ней романы пишут, стихи сочиняют, песни поют, а она — мираж... Нет ее, любви... Обман чувств... Одни самки длинноногие, охотницы, груди силиконовые, — чем больше Илья Праздников пил, тем сильнее слезы катились из глаз и жальче становилось себя. Так жалко, что хоть пулю в лоб. Положение и в самом деле выходило безнадежное: квартира уплыла, ни денег, ни документов, ни бабы — ничего... Какие-то пьяные мужики, с которыми случайно свела судьба... Но, главное, и его не было... Праздникова Илья... По всем документам выходило, что Праздников Илья — умер. Четвертый год как умер... Быстро сообразила, подлая! Как олуха провела! Да он, Илья, и есть олух... Даже памятник стоит

на могиле. Невесть какой, дешевый — и тут пожадничала, на гранит пожалела. А кто там в гробу лежит? Кого черви едят? По документам выходило, что он, Илья, и лежит. Его черви и едят. Пока деньги не пропали, сунул Илья кладбищенскому клерку очкастому, тот долго в непонятных книгах искал, но, в конце концов, откопал: «Праздников Илья Николаевич, все правильно, похоронен 28.02.2002 года».

— Вот он я, Праздников Илья, — сказал Илья. — А у вас чушь.

— Да пойдя ты, — взвился очкарик, — много вас тут всяких ходит. Если каждый покойник начнет требовать, жизни не станет никакой. Это не к нам. В милицию надо или в суд.

Не советовали добрые люди идти в милицию. Там полковник Зверинец главный, зверь, чья слава далеко разнеслась. Держит, как вотчину, город Дуров. И Дуров лежит под ним, не трепыхается. Спит как будто, молчит, водку пьет, веселится, шепотом про Зверинца рассказывает, а темный страх от дома к дому бежит. Без денег к Зверинцу не суйся. Бандитов крышует, все кругом приватизировал: магазины, автобусы, рынки, фабрика чулочная, девки красивые, мэр местный, депутаты, бордели — все его. И Злыдень, Ильи враг, — правая рука у него. Пахан Зверинец с бульдожьей хваткой. Крутой. Его, рассказывали, сам губернатор боится. Охотятся вместе, с девками в баню ходят, коньяк глушат, а боится. Жить хочешь — держись от Зверинца подальше.

Но и обойти Зверинца нельзя. Знал Илья, что не нужно идти, а пришлось. Оказалось еще хуже. Едва заглянул в отделение, капитан, тот самый, что с Оксаной, женой, Праздниковой значит, в его, Ильи, квартире жил и Илью выгнал, паспорт отнял и посадил в обезьянник.

— До конца жизни просидишь, чмо! — пообещал Злыдень. — Ты — никто. Труп. Понимаешь? Труп. Нет тебя. Убью, искать не станут. Потому что не ищут, кого нет. Заруби на носу: ни к Оксане, ни к квартире близко не подходи. Не жена она тебе, вдова. А станешь рыпаться, в психбольницу пойдешь. Я же все тебе объяснил. Один у тебя способ легализоваться: сесть за другого человека. Недаром похож.

— Нет, — сказал Илья, — за другого не хочу.

— Тогда сиди, — осклабился капитан.

Ночью, когда уснул Илья, стали его сокамерники бить. Сами ли стали бить, спьяну, или подговорил кто, этого не знал Илья. Мог догадываться только.

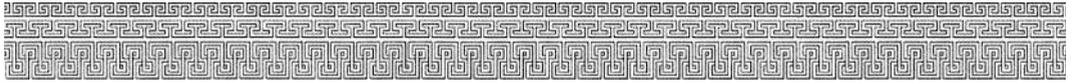
Он и сам был парень не промах, драться умел, не в одном порту, кабаке, или борделе оставил по себе память в виде выбитых зубов, сломанных челюстей и носов, и пиратам не просто так сдался, помнят до сих пор, гады, Илью-морьяка, с людоедами бился, много чего было, а вот, поди ж ты, полумертвым загремел в больницу. Оно, может, и лучше, что из милиции выбрался. Только началась бюрократия: полис дай, паспорт дай. А без бумажки ты букашка, и лечить тебя не положено. Бюджет не резиновый. И так все разворовали. Полежал Илья два дня в пьяной травме, зато в нормальной постели — и выкинули Илью с музыкой. Мол, не дерись, сам виноват, каждый день из милиции привозят. Вот народец-то пошел! Так что пришлось Илье ползти — возвращаться на кладбище. Потому на кладбище, что там он жил, почти рядом со своей могилой. Не один жил, целая компания бомжей. То есть не вполне настоящих бомжей, не пьяниц горьких, а так, очень даже приличных людей из бывших интеллигентов. Потому бывших, что полутемная землянка, где крысы бегают, удобства под соседним кустом, а по ночам рядом кричат пьяные и песни горланят, нарушая покой мертвецов, могилы рушат, не очень располагает к интеллигентности.

Не так давно ездили в Каире пирамиды смотреть — заметил Илья, что египтяне победнее проживают среди могил и склепов на кладбище. Удивился очень. Не думал, не гадал, что и сам окажется в той же роли...

А начиналось все очень даже замечательно. С любви. Две любви было у Ильи в этой жизни: Оксана и море. То есть сначала было море. Дуров — городок сухопутный, скучный, заплеванный семечной скорлупой, о море здесь напоминала лишь толстая баба Ксюша, бывшая одесситка, торговавшая на рынке сушеной таранкой и воблой, любившая при всяком случае вспомнить Привоз.

За школьные годы Илья видел море только два раза, зато влюбился безоглядно, как, бывает, влюбляются в юности в девушек, поклялся стать матросом — ради мечты из дома убегал, но его задерживали и возвращали — и все-таки матросом он стал. Попросился на флот служить, потом ходил на торговых судах. При Советах, рассказывали, было очень строго: анкеты, проверки, политинформации, замполиты, на берег отпускали только группами. Но шмотки возили все равно — прятали, фарцевали, баловались с валютой. Илья, однако, время это почти не застал, попал в самый беспредел: прива-

тизация, начальники рвали кто сколько мог, суда стали частные, посудины ржавые, новые хозяева по полгода не платили зарплату, судна арестовывали за долги, да и платили на старых посудинах мало — кое-как на жизнь хватало, но отложить деньги невозможно. О квартире нечего было и мечтать. Одним словом, бомж.

Когда Илье исполнилось тридцать, умерла мать. Стал он хозяином двушки в городе Дурове и начал подумывать о сухопутной профессии. Морская романтика к тому времени начала меркнуть. Море — оно всегда море, и порты почти неизменно похожи друг на друга: проститутки, бордели, грязь, дешевые забегаловки, пакгаузы, фарцовщики, наркоторговцы — и снова скудная жизнь на борту. В Дурове, однако, работы не было. Заводы стояли, мужики пили, бабы толкались на барахолках. Промыкавшись с полгода, сменив несколько почти дармовых работ, Илья Праздников решил снова отправиться в плавание. Приятель из Одессы приглашал на сухогруз, под панамским флагом ходивший вдоль Африки. Район беспокойный, пиратский, зато платили вроде хорошо.

В путь собирался Илья, когда подстерегла его вторая любовь, от которой потерял голову. Некрепкая, может, оказалась голова, а может, на роду все было написано. Звали любовь эту Оксана, торговала она на рынке, не из местных — поднял ее вихрь девяностых, капитализм дикий и унес с незалежной, крутил-вертел, от мужика к мужику, пока не опустил на время в сонном Дурове. Смазливенькая была Оксана, авантюристочка, грудастенькая, ноги, попка — все на месте, в любви горячая, умелая, ненасытная, о такой и мечтал Илья между редкими борделями, плаваясь в тропиках от солнца посреди океана. Целую неделю наслаждался, на стену лез, виагру жрал, воплями будил среди ночи ленивых соседей, смотревших пьяные, убогие сны; поняла Оксана, что можно из Ильи веревки вить.

— Женись на мне, — пропела ангелом, — и возвращайся поскорей, пупсик мой хороший. Будешь у меня как в раю. Я такое тебе сделаю... Редкая женщина умеет, как я.

Ох и глуп был Илья! Вроде взрослый мужик, а рехнулся. От любви ли, от секса, от того, что любви не знал раньше, а только бордели, но сошел Илья с ума: прописал несравненную блудницу свою в полученной от матери двушке и документы оставил. Думал, вернется скоро, думал штампом удержать; не знал, не гадал, что растянется расставание на четыре с

лишним года, а вернее — навсегда. Уезжал, любовь была, а вернулся — по бумагам мертвый.

Немало времени прошло, пока плавал вдоль Африки за зеленые и сидел в плену у пиратов, потом сбежал через несколько месяцев — не очень и охраняли: куда денется русский на чужом континенте — в пустыню, в саванну, в пасть ко львам? Поняли, что денег за Илью никто не даст, хозяин-грек умыл руки, лишь заставляли трудиться и предлагали принять ислам, обрезать крайнюю плоть. Ещё больше прошло времени, пока пробирался Илья через пустыни и джунгли, жил в деревне у сомали, переходил по тайным тропам границу, накружил по Африке ненамного меньше Ливингстона. Об Оксане он почти забыл. Африканские дивы кружили Илье голову и волновали плоть. Особенно юная дочь вождя тигре. Вождь этот, Менелик, за долгие месяцы оказался первым, кто говорил по-русски. Выпускник университета Лумумбы многие годы безнадежно пытался бороться с засухой, остановить наступление зыбучих песков из пустыни, убивавших пшеницу и пастбища для скота, оживить умиравшие пальмы и кофейные деревья с помощью микрокапельного полива — он как Стэнли Ливингстону обрадовался башковитому Илье.

— Бери в жены мою дочь и оставайся, — перехватив восторженный взгляд Ильи, предложил вождь, — вдвоем мы остановим пустыню. Руки у тебя золотые.

Очень хотелось остаться Илье. Смуглая Венера с большими глазами, еще более прекрасная, чем те, которых он видел на древнегреческих амфорах, ожившая царевна из «Тысячи и одной ночи» с золотыми браслетами и монистами, источавшая сказочный запах благовоний, притягивала и сводила с ума, нечто колдовское было в этой африканке, хоть на звезды вой — целую неделю Илья укрощал плоть, ел как схимник лишь хлебные корки и по старой флотской традиции пил бром, прежде чем со слезами на глазах решился сказать «нет». Нужно было ехать в Россию, к Оксане, в двухкомнатную квартиру в Дурове — Илья пытался вспомнить жену, но лишь стоны ее кошачьи отчетливо слышал, лишь эротические видения преследовали по ночам, лишь аромат ее пахучей плоти, а видел только штамп в давно утерянном паспорте. За хорошие деньги поставили этот штамп вне очереди в дуровском Загсе.

Вождь тигре Менелик сам отвез Илью в посольство в Аддис-Абебе; не сразу отвез, сначала отремонтировал Илья систему для полива. В Аддис-Абебе

и узнал Илья, что на Родине давно, еще до пиратов, едва уехал из дома, вычеркнули его из списка живых и с регистрации сняли, однако после долгой переписки в посольстве все-таки оформили паспорт.

Пока Илья полгода ожидал паспорт и летел до Москвы, а потом на поезде добирался до Дурова, много раз он звонил Оксане, хохлушке ненасытной своей, любви царице, однако телефон молчал недоступно. Будто то сон был раньше, и не Оксана вовсе, а мираж пригрезился Илье в Дурове. Но чем ближе к родному городку, тем отчетливей Илья видел жену — да жену ли, или с памятью что-то стало? — словно Оксанино пышное, спелое, познавшее и огонь, и воду, и медные трубы тело по мере приближения к цели освобождалось от патины времени и расстояния, оживало в памяти; чем больше сокращалось расстояние, чем сильнее разыгрывалось в Илье воображение и вместе с ним с каждой минутой росло вожелание, так что Илья едва терпел. Вот он войдет, представлял Илья, и повалит Оксану на кровать, на ложе, на котором столько раз познавали они наслаждение и страсти, и вырвется у него из груди львиный рык, а она замурлычет как кошка. И содрогнется дом в такт их яростным и быстрым движениям, а соседи поймут: Илья вернулся. Корень йохимбе привез. Чудо вечной любви из Африки...

...Илья позвонил в дверь — вот он, блудный муж, в струпьях, утомленный долгой дорогой, неверный, почти без денег, лишь несколько сот зеленых, что подарил вождь тигре, привез с собой; дверь открылась и вырос перед Ильей пьяный, в расстегнутом кителе и в тапочках, милицейский капитан.

— Чего надо? — с угрозой спросил служивый, застегивая ширинку. Хмурый гигант, на голову выше небольшого Ильи, изуродованный шрамом через все лицо — ну точно бандит, только в форме, — показался Илье страшнее командовавшего пиратами мелкого сомалийца, а вождь деревни сомали, в чалме и с трубкой, слегка похожий на Джека Воробья, тот и вовсе выглядел джентльменом по сравнению с мясником в форме.

— А вы кто? — Праздников почувствовал, как внутри у него все холодеет и душа, трепеща, уходит в пятки.

— Я хозяин, — воскликнул гигант. — Не только этой квартиры, хозяин в Дурове. А ты убирайся. Пристрелю как вошь.

— Я Илья Праздников, — растерянно пояснил Илья.

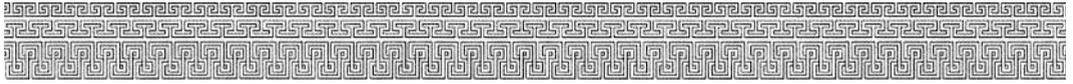
— Нет никакого Ильи. Убирайся!..

После того как паспорт отобрали в милиции, а деньги у пьяного вытащили собутыльники, понял Илья, что дело швах. Нет у него больше ни имени, ни фамилии, ни средств к существованию — ничего. Имя его не его больше, принадлежит человеку, который похоронен. Кто тот человек? Бандит, наркоторговец, случайный прохожий, ограбленный бизнесмен, бомж? А может, пустой гроб? Нет, пустой вряд ли. Кого-то спрятали мент с Оксаной. А может, Оксана ни при чем? Может, и она в рабстве? Вот ведь парадокс: в саванне, содрогаясь по ночам от львиного рыка, пробираясь от деревни к деревне, из страны в страну, первый белый человек за много лет, путешествующий по Африке в одиночестве, если не считать случайных попутчиков-африканцев, мечтал Илья вернуться на Родину, и это придавало ему сил, но теперь-то куда идти дальше? Что это за Родина такая безразличная? Попытался было зайти в суд, мол, верните имя и фамилию, но Илью и на порог не пустили без документов. Ходит человек, правду ищет, чего-то пытается добиться, а зачем, если его нет? Правду когда-то говорила бабушка, еще при Советах: «Без бумажки ты букашка». Много лет провел в лагерях дед, а потом еще столько же за бумажкой бегал, чтобы человеком стать. Пытался подойти Илья к Оксане, жене-не жене бывшей, мошеннице, ловчихе таких как он дураков, так она отвернулась: «Илья умер. Иди от меня прочь. Милицию вызову», — и ушла. Торопливо так ушла, можно сказать, убежала. Растерялся Илья, застыл как вкопанный, не сразу почувствовал ярость. Хотел побежать за ней, открутить голову, но передумал. Документов нет — и его нет. Призрак...

...Вот она, любовь. Нет никакой любви. Мираж, сказка. Илья и помнил ее смутно, Оксану. Узнал — она, и не узнал, вроде другая. Чужая. Хищная. Накрашенная густо. А может, это она и есть, настоящая? А был обман?.. Гормоны... Секс... Может, слеп был, пьян? Воспаление чувств? «Любовь зла, полюбишь и козла». В самом деле, не жена, а так... приبلудная...

...Или сон? И не жил здесь Илья? И квартира не его? Напился пьяный, вообразил... Кто же он тогда? Никто? Сам себе приснился и теперь мучается? Илья читал когда-то в юности — тогда еще книги читали, — что встречаются люди, потерявшие память, бродят среди других людей и не узнают никого, и их никто не знает. Тенями бродят, как Зорро. Привидениями. Вот и он без документов стал привидением. В целом мире — чужой. Ненужный никому. Стоит прыгнуть с моста в реку — и конец всему. Жизни, сну. Река-

то пограничная. По ту сторону Украина. Выловят тело и не станут искать, что за человек. Не их труп, российский. Отвезут в крематорий или сунут в самый дешевый гроб. А может, и без гроба, прямо в землю. И не станет никого...

Размышлять долго Илье, однако, не пришлось. Пока он, судя по всему, остался жив, а оттого захотел есть. По размышлении отправился на кладбище Ильи. Там как раз оставили люди после пасхи пищу покойникам. Таким как он — птицам и покойникам... Хорошо, что обычай сохранился с языческих времен.

У могилы Ильи с надгробьем из простого камня и памятником, на котором четкими буквами было выбито: «Праздников Илья Николаевич, 1970-2002» и висела его, Ильи, фотография, сидели трое и закусывали. Увидев Илью, они не удивились, а приветливо подвинулись, приглашая.

— Садись с нами, мил человек. Никак не упокоишься? И мы такие же привидения тутешние.

— То есть как? — удивился Илья. — Упыри?

— Лучше выпей с нами водочки, легче разобратся будет, — ласково сказал мужчина православного вида с небольшой бородой и длинными, схваченными резинкой волосами, тот самый, что начал разговор. — Кровь мы не пьем. Видим, беда с тобой приключилась. Хочешь, поживи с нами в скиту.

— Что за скит? — заинтересовался Илья. — В скитах раньше старцы жили.

— Домик был на кладбище, без окон и дверей, развалюха. Вот его и превратили в скит. Люди добрые еду приносят. Живем там и молимся.

— Это он молится, всепрощенец, — вмешался второй мужчина, наливая Илье водки. — За врагов своих молится, за палачей, за упырей настоящих. Просит за них Иисуса.

— Что приключилось с тобой? — не отвечая сотоварищу, ласково спросил у Ильи православный.

Опохмелился Илья и стал рассказывать.

— Вот как, — произнес православный, когда Илья закончил свой рассказ. — Получается, мы на твоей могиле сидим?

— Получается.

— А похоронен-то кто?

— Не знаю.

— И он тебе, говоришь, за другого предлагал в тюрьму идти?

— Предлагал.

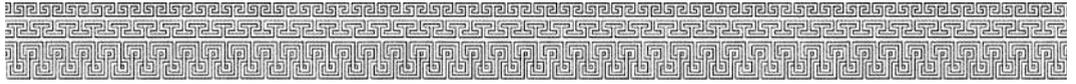
— Ишь ты, — удивился православный. — Кривда процветает кругом. Слышал про Соловки? Миллионы людей там замучили. Над православными особенно издевались, кто их красную церковь отвергал, не принимал грех сергианства. С тех пор, видно, и расплачиваемся за грехи. От Иосифа Волоколамского все пошло зло.

— Недавно ты другое говорил. Будто Серафим ваш умиленный все грехи на себя взял. Мол, новый Иисус. И церковь святая, мол, серафимова, очищенная через Голгофу, — заметил тот, что наливал Илье водку.

— Так, так, — закивал православный. — Великое искупление выпало православным. За весь род человеческий. Немало чудес совершил и наш отец Серафим. До конца противостоял он антихристовой силе. И теперь подле Иисуса. Святой. А только в новой скверне тонет мир. Не хватает на все грехи праведников. Кого силой и страхом не смог победить дьявол, тех он нынче золотом покупает.

— Эх, и юродивый ты, — засмеялся второй, бывший офицер Юрий, как вскоре узнал Илья. Третий же молча пил водку, закусывал сухарем и блаженно улыбался.

Интересная компания оказалась у Ильи. Три колоритных мужика, с которыми он стал жить то ли в скиту, то ли в землянке, то ли в развалюхе на краю кладбища, все были очень разные. Гавриил, которого при первой встрече Ильи обозначил православным, действительно оказался глубоко верующим, светлым и вместе до юродства странным. Вроде православный, а РПЦ отвергал и даже находился с ней во вражде, то ли изгнали его из монастыря за ересь, то ли сам ушел правду искать, не перенес грех то ли иосифлянства, то ли не исторгнутого до конца сергианства, называл себя тихоновцем в честь святого патриарха, но особенно чтил Серафима, главу никогда раньше не слыханной Ильей Соловецкой церкви, апостола, что восседает рядом с Христом, повторившего многие Иисусовы подвиги: врачевал раны смертельные, из мертвых воскрешал и одним прикосновением своим поднимал с одра замученных узников Гулага. Так духом силен был Серафим, что палачи перед ним трепетали и многих в гулаговском аду обратил он в веру свою, многие спас души. Гавриил целыми днями молился, на много часов впадая в молит-

венный экстаз, ничего не замечая вокруг, бывало, начинал молиться, или шептать что-то во время скудной трапезы или разговора, был добр, ласков, совсем не от мира сего — человек божий; вроде бы преследовали его видения кошмарные о том, что пришлось перенести на Соловках священнику-деду, одному из тех тысяч, что не приняли декларацию Сергия Страгородского и никогда в молитвах своих не поминали красных злодеев. Сброшен был дед с Секирной горы в море, заморожен голым на тридцатиградусном морозе, запытан до смерти садистами из вохры — видения у Гавриила постоянно менялись; в видениях и во снах все четче видел он красный Освенцим, все большая правда открывалась ему о Русской голгофе — не из книг, но от духа святого: о Богородице Соловецкой, о великом промысле Божьем и о грядущем воскресении Руси. Чужд был Гавриил земного: уйдя из монастыря, продал квартиру, раздал деньги сирым и убогим, не оставив себе ничего, и ушел бродить по Руси, весть соловецкую проповедовать, только отчего-то надолго задержался на краю кладбища в городе Дурове. Юрий подозревал, что оттого задержался, что уподобил Гавриила Бог попасть в лапы к местному милиционерскому начальнику полковнику Зверинцу — смеялся тот над Гавриилом и жертвами соловецкими, богохульствовал, — и с тех пор молился Гавриил о спасении души вурдалака.

В отличие от Гавриила Юрий был бывший офицер, атеист, к идеям Гавриила относился с иронией и над молитвами его посмеивался, что несколько не мешало ему о Гаврииле заботиться и, надо полагать, испытывать к монаху в миру немалую благодарность. Потому что Гавриил некоторое время назад Юрия спас.

Оказался Юрий на кладбище не в силу характера или пагубных привычек — человек он был организованный и правильный: делал по утру физзарядку, обтирался холодной водой, ежедневно читал воинский устав и раз в неделю совершал марш-броски, — но в силу стечения жизненных обстоятельств. После окончания службы Юрий развелся с женой — детей у них не было — и переехал в Дуров, откуда был родом. Вскоре с Юрием случилось несчастье: на выдавшем виды «Фольксвагене» столкнулся он с «БМВ» известного в городе вора в законе Шустика, близкого приятеля полковника Зверинца. «БМВ» Юрий едва оцарапал, но бандит потребовал компенсацию, многократно превышавшую ничтожный ущерб. По утверждению Юрия, не он зацепил кар, а бандиты нарочно подставились. Воз-

мушкетер Юрий уперся — он всегда отстаивал справедливость, оттого и дослужился только до майора, — обозленные же бандиты стали требовать квартиру. Юрий не уступал, для защиты он начал носить с собой ружье, и Зверинец лично завел на него уголовное дело. Ружье отобрали, с Юрия взяли подписку о невыезде, и тут же его подстерегли бандиты, избили до полусмерти и выбросили на кладбище. Там среди могил Юрия и подобрал Гавриил и приютил в своем скиту. Лечил он исключительно молитвой и, подобно умиленному Серафиму, наложением рук. Вот тут и обнаружилось, что от рук Гавриила исходит особое, чудесное тепло и, хоть Юрий был весь в крови, почти в беспомощности, плевался кровью, и почки были у него отбиты, а руки и ноги опухли от ран и ушибов, страшно болели и не могли двигаться, через несколько дней он поднялся и смог ходить. Едва придя в себя, Юрий обнаружил, что квартиру его за время болезни захватили бандиты, переоформили документы и продали. Юрий попытался было пойти в суд, но всякий раз как он появлялся в суде, его задерживали милиционеры, якобы за нарушение подписки о невыезде, и сажали в обезьянник, а документы таинственным образом исчезали. После нескольких неудачных попыток бедолага понял, что в суде он ничего не добьется, и стал пытаться организовать своих друзей, бывших офицеров, создать движение против мафии. Зверинец, однако, не дремал. Против Юрия завели новое уголовное дело, на сей раз обвинив в махинациях с лесом (Юрий подрабатывал советником в лесхозе), дали срок, на счастье небольшой из-за всеобщего возмущения и отсутствия доказательств — лишь недавно Юрий вернулся, затаив мечту о возмездии. Он снова собирался подавать в суд. Парадокс состоял в том, что на сей раз появились шансы: в бывшей квартире Юрия жили новые люди, приехавшие недавно из другого города — и полковнику Зверинцу, и остепенившимся за прошедшее время бандитам, ставшим директорами и уважаемыми инвесторами, исход суда был глубоко безразличен.

Третьего из жильцов, самого старшего, звали Виталий. В прошлой жизни служил он преподавателем философии, политэкономии и научного атеизма, в скиту же обитал не так давно. Вот он, казалось Илье, и был самый настоящий природный бомж, потому что носил длинную нечесаную бороду, больше других пил водку и любил путешествовать налегке, с одной котомкой, — на лето Виталий всегда уходил куда-то, возвращаясь лишь осенью, на зимовку.

При этом он чувствовал себя на кладбище вполне счастливым, наслаждаясь не так давно обретенным молчанием и свободой.

Когда прежняя советская жизнь в одночасье сломалась, как старый часовой механизм, и Россия, многострадальная, уставшая ото лжи, освободившись внезапно от ею же созданной многоязычной империи, стала не то что новой, как говорили и писали, все родимые пятна остались при ней, но — иной, полудержавной и вроде бы даже демократической; когда старых, привычных держиморд сменила генерация ловких выскочек, демагогов, нуворишей и доморощенных либералов, мало похожих на западных коллег — материал-то был прежний, советский, — бывшим преподавателям марксизма после недолгого испуга бросили в утешение сладкую кость: переписанную заново, перелицованную историю, рыночную экономику и религиоведение.

О, это оказалось очень даже пикантно: словно змеи по весне кожу, поменять мысли и взгляды, говорить прямо противоположное тому, что утверждали вчера, с той же рьяностью, с которой доказывали, что Бога нет, утверждать, что Бог существует, и что идея Бога не противоречит науке. То же происходило и с Советским Союзом: великая страна рабочих и крестьян от свершения к свершению шла, крепила дружбу между народами, империалистам противостояла — так зачем же разрушили? И почему те, кто разрушал — герои? И со Сталиным творилось неладное: то преступник и злодей — на гребне конца восьмидесятых, то снова вернулся на пьедестал — вновь полководец и эффективный менеджер. О, радость для иезуитского ума! Наслаждался Виталий, изыскивая хитроумные аргументы: доказывать недоказуемое, соединять несоединимое, оправдывать не имеющее оправданий, строить логические конструкции там, где отсутствовала всякая логика. Петлял Виталий как хитроумный лис среди слов и теорий, блудодействовал, впадал в оргазм от эклектики — знал, что продажный, но ему удобно было быть циником. Утешался, что все кругом циники. Что все лгут. Что это и есть норма. Даже как-то придумал: «Долой принципы, да здравствуют интересы!» И вдруг тошно стало. Устал. Запутался. С детства знал Виталий, что так надо. Что это и есть жизнь: не истину искать, не правду, не мудрствовать лукаво, а *исполнять, служить*, а главное — *приспосабливаться*. Что за это ему и положен хлеб с маслом. За то, что пескарь. Что все так живут. Что это и есть главный закон жизни: *не высовываться*. Только

водку пил, с годами все чаще. Пил и плакал: «Ах, гад я, Иуда...» А все равно себя любил. А все равно сидел в нем страх. Раб сидел. А тут жена молодая к другому ушла, рога наставила. «Слабый ты, ничтожный. Предатель. Ты все предал: себя, Россию, меня». И диссертация лопнула. В кои веки уперся Виталий, не стал писать, что будущее России — православие. Как гром среди ясного неба грянул. Будто перст божий: наказан за рабство. За ложь. Прозрел среди бессонницы, убогий и пьяный, и сказал ясно, громко — себе сказал, что во лжи весь, как в нечистотах, что Бог — *не такой, не может быть таким*, и что людей — и с Богом, и с рынком, и с олигархами, и со Сталиным — снова держат за дураков. Хотел руки на себя наложить. Запил крепко. И, во тьме, в грязи, зов услышал судьбы, трубный, громкий: все бросить и уйти. Как пуповину обрезать ложь, вериги сбросить. Для счастья не нужно ничего, только котомка и ноги, чтобы идти, и глаза, чтобы видеть. С тех пор Виталий стал счастлив и свободен. Знал теперь, что собственность — это оковы, а сытость — обуза, и что свобода — единственное, за что стоит умереть. И еще знал, что Бог существует и что он добрый, потому что это Бог велел уйти и начать жизнь заново. Виталий не молился, ему казалось, что Бог и без молитв слышит и понимает его, и что он тоже чувствует Бога. Виталий вообще стал молчалив: порой за день не выговаривал ни слова, так он устал от слов прежде. Он почти разучился разговаривать. Потому что в словах, в людях, заключалась ложь, а истина, правда — только в природе. Его счастье состояло в том, чтобы лежать и молча смотреть в небо, наслаждаясь чистой голубизной, или россыпями звезд по ночам, вдыхать запахи цветов и трав, наблюдать возню зверьков и слушать пение птиц. Со временем Виталий научился играть на дудочке и чуть ли не ежедневно с весны по осень, пока оставался на дуровском кладбище, устраивал концерты для сусликов и мышей. Виталий играл что-то незатейливое и вместе нежное, завораживающее, зверьки же рассаживались вокруг него и раскачивались в такт мелодии своими маленькими тельцами.

На кладбище Виталий обитал уже несколько лет, все к нему давно привыкли, вместе с Юрием он подрабатывал тем, что копал могилы или занимался делать какие-нибудь работы, а в свободное время любил слушать молитвы Гавриила, потому что слова юродивого или святого — никто бы не смог определить точно — были единственные, в которых, казалось ему, не было фальши.

Поселившись в скиту, не знал Илья, что делать дальше. Попытаться ли снова встретиться с Оксаной — не мог поверить, что по собственной воле предпочла она капитана Злыдня. Тот, рассказывали знающие люди, с местными бандитами состоял в близком родстве, с ними вместе не раз насиловал девушек, крышевал торговцев живым товаром и выколачивал настоящие и мнимые долги. Злыдня в Дурове чуть ли не все ненавидели, но управу на него найти, казалось, невозможно — очень тесно был повязан Злыдень с хозяином города полковником Зверинцом, считался его правой рукой. И мэр, и депутаты — все были ставленники или друзья Зверинца, и все его страшно боялись, даже генерал в области, с которым Зверинец охотился, расслаблялся в бане и которому хозяин Дурова возил дорогие подарки.

А если сошлась Оксана со Злыднем по собственной воле, то что с ней делать и как вернуть квартиру? Никаких документов у Ильи не было. Попытался пойти в суд, но из суда его прогнали, и прокурор не захотел принимать, а депутаты — те с испугом смотрели на Илью как на умершего. Прокурор, тот даже грозился статьёй, потому что Илья Праздников умер и похоронен и все бумаги в порядке, а он, мол, мошенник, хочет завладеть чужим именем, фамилией и квартирой. Спорить с прокурором Илья не стал: кто ведет следствие и надзирает, того и правда. И в ЗАГС, чтобы доказать, что Оксана его, Ильи Праздникова, жена, дорога Илье без документов оказалась заказана. Да и могли они по приказу Злыдня как угодно переименовать документы. И уехать из Дурова, чтобы завербоваться матросом и ходить на какой-нибудь ржавой посудине всю оставшуюся жизнь — да хоть вдоль Африки, хоть в плен попасть к людоедам, — и этого Илья не мог осуществить без документов. Остановят на ближайшем перекрестке, назовут террористом, а уж на Украину через границу — того и вовсе нельзя. И обратно к вождю тигре, чтобы жениться на его дочке — каналы рыть, добывать воду, пальмы сажать, растить виноград и делать вино, коров доить и пасти скот, кибуц строить в африканской деревне, как размышлялся идеалист из Лумумбы, — тут уж и вовсе пути были перекрыты. Не догадывался, сидя целых полгода в Аддис-Абебе, пока дипломаты переписывались и головами в недоумении качали, а Оксана как в рот воды набрала, — не догадывался, что нельзя ехать в Дуров, нельзя... Что там и есть западня. Что лучше в Африке львиный рык по ночам слушать, чем рык здешнего хозяина Зверинца...

Не так уж много у Ильи оставалось вариантов. Сидеть на кладбище, идти в монастырь, взять на себя чужое имя и чужую вину и, кто знает, чужую судьбу уголовную... Или достать ружье и убить капитана Злыдня? Что будет дальше, Илья не думал. Дальше следовало идти к Оксане — убить. Или любить снова? Хоть одну ночь... А потом... Лучше было не загадывать, что потом. Да хоть убить полковника Зверинца и освободить от чудища город Дуров.

Юрий словно угадал мысли Ильи. Несколько дней ждал, водку пили, звезды на небе считали, песни горланили, перебрасывались редкими словами, но вот наступил момент.

— Слышь, Илья, скажу один адресок. Пойдешь к человеку, даст он тебе ружье. А дальше сам решишь.

— Думаешь, другого выхода нет?

— Выход всегда есть. Терпеть и молчать. Стать на колени и молить Бога.

— Нет, — решил Илья, — не стану терпеть.

— Авось суд присяжных оправдает. Людям надоел беспредел. Одно только держит: страх... Хочешь, подскажу, кто в твоей могиле лежит?

— Кто?

— Девушка одна. Красоты яркой, не из наших краев. Злыдень ее в карты у бандитов выиграл. В любовницах держал, в наложницах. Вместе со Зверинцом пользовали. Весь город знал да молчал.

— Ну?

— И вдруг исчезла. Как раз к твоим похоронам. А перед этим крики слышали. Хотела от Злыдня убежать. А убежать от Злыдня нельзя. Не отпустит. Только на тот свет.

— Пока голословно.

— Как раз в это время Оксана твоя заявление написала, что ты умер. Понял связь?

— Не совсем.

— Ну, умер ты. Хоронить тебя надо. Верно? А тела-то нет. Вот ее и похоронили. Гроб-то закрытый был. И ни один человек, никто не видел, что внутри лежит.

— Уверен? Раскопать ведь могли.

— Да кто копать будет? Он тут один во всех лицах, Зверинец. За Бога, за царя, за судью и прокурора. Все его боятся, со всеми повязан. Молчит народ.

Шепчется, да молчит. Знает, что жаловаться некому, потому что *о н и* — сила. Ты про Кущевскую слыхал? Так у нас почище будет. Куда ни кинь, Кущевка.

— Логично вроде. Только трупа нет.

— Все по закону хочешь? А тут закона нет... Вот расскажу я тебе... Урка один, что со мной сидел, хвастался, будто его и заставили убивать. По времени как раз совпало. Злыдень — дуболом да осторожный. Алиби себе обеспечивал. В Москву в командировку ездил.

— А где тот урка?

— Убили. Повесился на следующий же день. Следствие решило: самоубийство. Но ты, наверное, догадываешься, какое следствие на зоне.

— Выходит, и над тобой висит?

— Висит. Над всеми висит, пока Зверинец и Злыдень заправляют. И девчонку эту не просто так. Она много чего могла знать.

— А Оксана? — похолодев и помертвев, спросил Илья. — Как думаешь, добровольно заявление написала?

— Кто знает? Все могло быть. Это нужно у нее спрашивать.

— Пытался. Разговаривать не хочет, а может, боится.

— Бабы — они все такие. Дуры, — заключил Юрий.

#

Не успел Илья сходить за ружьем. Хотя, по размышлению, выбора не оставалось. Тюряги, выходило, не избежать, разве что помереть на кладбище, квартиру не вернуть, да и жену-не жену свою тоже. Он и не хотел больше Оксану. Илья ее скорее ненавидел — только в самой глубине души теплилась надежда: вдруг принудили ее? Запугали? Но разум говорил: нет. Хищная баба. Много таких развелось, длинноногих и жопастых, охотниц за дураками, амазонок двадцать первого века. А он, Илья, дурак, самый что ни на есть настоящий. Больше не мог понять, что за чувство с ним случилось такое. Как не увидел Оксану насквозь? Ей бы только чего-нибудь ухватить: мужика завидного, квартиру, деньги. Жадная, неразборчивая. Ядовитый пестрый гриб принял за съедобный. Эх, Илья, дурень, лучше б дочь вождя тигре Мирьям! У Мирьям пальцы нежные, тонкие, лицо точеное и большие семитские глаза. Цветок саваны, дикая роза, слегка похожая на кенгуру. Таз широкий, детей рожать, груди маленькие, для поцелуев. О, Мирьям, Ми-

рьям! На крыльях бы к ней полетел, к голубке темнолицей, через все границы без паспорта. Полетел бы, да только в тот же день окончательно обломали Илье крылья.

С утра, так вышло — или чувствовал Гавриил что? — божий человек раньше обычного стал на молитву и молился с особенным жаром. Отталкивала, видно, молитва ментов, не допускала дьявольские козни Зверинца и Злыдня. Но к обеду, едва закончил Гавриил поклоны и вышел Илья из скита, шагов двадцать прошел, не более, в облаке пыли заскрежетали тормоза, будто в фильме, выскочили из кара менты с автоматами навскидку, положили вмиг Илью лицом в землю, заломили руки; почувствовал Илья, как рыщут по карманам чужие руки, не ищут, наоборот, нарочито грубо запихнули пакеты с наркотой и паспорт за пазуху с его, Ильи, вклеенной фотографией. Не успел опомниться Илья, сплюнуть землю, а перед ним второй кар, с понятыми, а понятые все в золотых цепях да в наколках, бизнесмены из недавних бандитов, контрабандисты и наркоторговцы. И повезли Илью менты, торжествуя:

— Допрыгался, сукин сын, не отвертишься! Не захотел по-хорошему принять вино, по судам забегался, пеняй на себя. Не будешь косо смотреть на Злыдня!

#

Если б умел веровать Илья, Бог бы придал ему силы. Научил бы правде. А так — слаб Илья. Приходилось надеяться на Гаврииловы молитвы. Чувствовал Илья, что тот молится. Как-то прилетел голубок белый, потоптался на карнизе за решеткой, в клюве у голубя увидел Илья веточку.

— Держись, — послышалось Илье. — Веруй. Надейся на Бога. — Вскоре улетел голубок. Заплакал Илья. Казалось узнику, что молитва ходит где-то рядом, очень близко, чуть ли не касается его, что-то нежно шепчут ангелы, но Илья не понимает их язык...

...Будто в бреду сидел Илья...

Вел игру с Ильей следак, витийствовал. То кричал и руками размахивал — ветряной мельницей, по столу стучал, угрожал, то гипнотизировал лаской: «Выбора у тебя нет. Что за героин, что за убийство — срок один. Так давай по-

хорошему. По-умному», — и начинал рисовать картины тюремные. — «Против пойдешь, распетушат и опустят, станешь неприкасаемым, будешь место занимать у параша. И УДО не засветит. На зоне своя иерархия, жесточайшая, вертят там всем паханы, воры-законники; наша власть там кончается и начинается их. Мир так устроен. На силе стоит и корысти. Вот думали: демократия, справедливость. Ан вот вам, — показывал следак огромный кукиш. — Мир сильных, законников. Вот это и есть жизнь. Наша Раша. Это раньше уголовники считали суками тех, кто с властью. А теперь они сами — власть. И ты, Илья, дурень, можешь стать властью. Только возьми вину на себя. Стань Андреем Макаровым. Двойником. Макар — авторитет знаменитый. Уважать станут тебя, будто ты и есть настоящий».

Изо дня в день долбил по темечку следак, внушал хитроумно, на то он и следак, и Илья начинал поддаваться. Был мечтательным Илья, а следак словно медом мазал, травил душу. Тем более сидел с Ильей в камере пройдошливый мужик, хитрый — утка подсадная? А может, правду говорил Николай, бывалый.

— Эх и влип ты, — охал Николай, — по уши! Не отмоешься. А с другой стороны, подфартило. Вынул козырного туза. Как артист при Советах. Иной сидит, бывало, ни грошей, ни карьеры, хоть вешайся. И вдруг — Ленин. Главная была роль, особенная, сыграет — глядишь, народный. И попер в гору. А ты, считай, самого Макара сыграешь. Крутой. Из авторитетов авторитет. Перед ним фраера на брюхе ползали. Законники жопу лизали. Все его боялись, а он никого. Не крысятничал. И с ментами делился. С тем же Зверинцом. Тот его сыну крестный. Умный оказался Макар. Нарубил бабла — и давай, до свидания. Прощай, немытая Россия. Взял себе тамошнюю модель, графиню, поменял фамилию, по монархам ихним в гости тепер ездит. Самая он и есть русская мафия. Можно сказать, в самом сердце Европы.

— А меня-то зачем нужно на его место?

— Эх, Илья-Илья, то есть Андрюша, — засмеялся Николай. — Станешь законником, замолви словечко. Менты за бабло следы заматают. Должен ты за Макара отсидеть, чтобы стал он чистый. Как доллар новенький. Слышал, небось, по всему миру деньги стирают в прачечных. Так и человек. Чтоб ни одна шваль не прицепилась. Отсидел — и снова блесит. И Интерполу от-машка: не искать, а ментам — звездопад.

И обставили хитро. Выбора-то у тебя нет. Откажешься, что захотят, сделают. Пожелают, опустят, пожелают, укокошат. Ты ведь вроде не человек сейчас. Бумажки у тебя нет, похоронен на кладбище. Да еще по наркоте протокол. Не выйти тебе отсюда. Совет мой послушай: соглашайся. Только с условием. Чтобы с наркотой чисто. Пусть при тебе порвут.

Выходило, и правда другого выхода нет. Все сопротивлялось в Илье: не по нему роль, по ночам он пытался молиться — ну почему не научился у Гавриила? Но слова выходили неуклюжие, топорные, не расслышит такие слова Бог. Приходилось надеяться на Гаврилову молитву. Илья закрывал глаза, вслушивался, различал отдельные слова, будто ангелы говорили, но разобрать не мог. А где-то глубоко-глубоко тщеславный червячок шевелился: стать Андреем Макаровым. Вдруг не только вина — перейдут к нему и макаровские богатства! Власть. Догадывался: тогда убьют. Страшно становилось Илье. От бессилия и обиды плакал Илья...

Уступил Илья ментам, смалодушничал, признал вину, стал Андреем Макаровым, мафиозо.

— Эх, похож! — говорил следак, причмокивая. — Настоящий Макаров. Лепота. Не слышал? В Москве и не такое бывало. Во всех учебниках есть, как казались Зиновьев и Каменев. О, какой процесс! Великий режиссер был товарищ Сталин.

Ожидая суда, лежал Илья целыми днями, койку-полку на день больше не убирали и кормить стали лучше. Как же, звезда. Ешь и пей, воровская кровь. Наслаждайся. Не тюрьма ждет тебя, вечный праздник жизни. Только не верил Илья, сомневался. Мягко стелют — спать будет жестко. Лежал, думал, будто долг его — убить Злыдня. И Оксану тоже. Загорался от ненависти, как сухой лист, судорога лицо сводила, но постепенно отходила. И опять пожар, страшный. Не жить Илье больше, отсидит — убьет. Не его воля — жизнь толкала на стезю уголовную. Закрывал, бывало, глаза и себя видел на воровской тропе. Среди крутых и законников, как обещал следак. Не сам выбрал — судьба. Сделала из Ильи лжевора. Бог даст, раздавит Зверинца как гадину...

...Бредил Илья до самого суда. Из крайности в крайность бросался. То плакал об утерянной свободе, то мечтал о воровском троне...

Лишь к вечеру накануне суда стало Илье легче. Будто молитва Гавриилова достигла Бога. Одного захотелось: закрыть глаза, уснуть и увидеть Мирьям.

И увидел Илья. Свадьбу под небом африканским, высоким. Бубны услышал, предстала перед ним Мирьям в белых одеждах, с браслетами и монистами. Понял Илья: опоздал. Да и кто он дочке вождя тигре? Белый бомж. На всю жизнь бомж. Или вор?..

#

Долетела до Бога Гавриилова молитва. Прямо к суду и долетела. А суд предстоял не простой, показательный. Не Илью собирались судить — русскую мафию. Мировые подмошки, а в главной роли — Илья. Собрались журналисты и телевизионщики из Москвы и из Питера, прилетели из-за границы, застрекотали камеры, выстроились очереди на интервью, сам полковник Зверинец не удержался, захватила его круговерть, тщеславие превозмогло осторожность, померещились полковнику генеральские звезды. Да что Зверинец, прибыли столичные прокуроры и генералы урвать свою долю, прилетели, словно на торжества, депутаты и мафиози, собрались бизнесмены, чтобы продемонстрировать лояльность, крутые ребята, чтобы засветиться среди еще более крутых, а самые крутые прислали смотрящих. Эх, Илья, не умел он оценить свою удачу, в тот день многие хотели бы оказаться на его месте, сыграть роль, хлебнуть славы, хоть на минуту стать бандитом и олигархом, а там хоть трава не расти! Запестрели фотографиями газеты, телевидение разгоняло на Илье рейтинг, множились о Макаре легенды в Интернете. Кто-то, правда, пискнул про подмену, но тут же дружно освистали Фому.

О, комедия человеческая! Тут великий Дант нужен, золотое его перо, стихами писать, тут слов мало... Гомера бы...

В славе купался город Дуров. Майки носил с портретами Ильи, будто не Илья, а новоявленный Че, авантюрист международного класса.

У маленьких городков — свое тщеславие, иной раз веками ждут звездного часа, терпеливо, упорно, тайно — огороды копают, кур разводят, лузгают семечки, а во снах видят, как бы возвыситься перед соседями, прославиться, пыль пустить в глаза. Не ищите город Дуров на карте, посмотрите вокруг внимательно: вчера еще тихий городок, сонный, — домики да хаты — сегодня бурлил. Те же законопослушные граждане, что цветы недавно носили к площади, где, по преданию, в последний раз объявился Макар и где, согласно

устным хроникам, самолично разрядил семизарядного Макарова в дуrowsкого бутлегера и водочного короля — разрядил и был таков, на много лет исчез из России — те же граждане, недавно еще проклинавшие убийцу, требовали ныне мемориал строить Макару. Мол, слава он наша, любит его Раша. Станут фильмы снимать, прославят город Дуров. Времени прошло чуть, а уже легенда гласила, что не жестокий убийца Макар, а Робин Гуд русский. Стенька Разин конца двадцатого века. Увы, всегда так бывает: чем масштабом крупнее бандит, чем больше на нем крови, тем пышнее ореол вокруг него. И так он со временем разрастается — опухолью, дурманом, — что превращается в миф.

О, вот оно точное слово: миф! Не уголовный процесс намечался в Дурове, среди страстей и беснования, игры честолюбий и дрызг, *политический* — не Илью судили и не Макара, *русскую мафию, миф, девяностые годы, олигархов судили. Особый суд, государственный*, не справедливый суд, но меч государев; показать как страна *очищается*. Не знал Илья, не догадывался, во что он влип, а понял — поздно было. Все бумаги подписаны. Не мелочь судят, не мелкую сошку, некоронованного короля, Андрея Макарова судят, Макара!!! Мафию судят!!! Знал бы Илья, мог бы сравнить, припомнил бы сталинские процессы!

Надо же так случиться, словно нарочно подстроили в русофобской Европе! Едва все слетелись в город Дуров, едва Илью усадили в автозак — не иначе, приурочили с умыслом — все агентства, захлебываясь от радости, все мировые СМИ сообщили: арестованный в Валенсии мультимиллионер Оливарес заговорил! Арестовали-то Оливареса раньше без особого шума, но заговорил — вот они, ненавистники России! — точно к суду. Загудели СМИ: миллиардер Оливарес, строительный магнат, завсегда аристократических вечеринок, муж знаменитой модели, купивший на Сотбис невиданное кольцо, экс-любовник графини Ц., образцовый отец семейства, гость многих монарших домов — не Оливарес и не испанец, он словно нарочно пошел на сделку с правосудием. И оказалось, что не Оливареса арестовали за махинации и уклонение от налогов, а короля российской мафии, наркоторговца, друга колумбийских баронов, беглого олигарха из алюминиевых, водочных, стальных и прочих королей по кличке Макар. Разносили СМИ, что несколько лет назад слыл Макар ближайшим приятелем многих русских форбсов, летал с Абрамовичем болеть за «Челси» и с Потаниным в Сан-

Тропе; что Макаровы люди качали нефть и добывали золото, владели банками и казино и что не поладили мафиозные кланы: много кого убил Макар и оттого искала его русская мафия, то есть враждебные кланы; подбирались, ждали, пытались договориться — и хитроумно сдали своего короля. Скоро будет другой коронован. А Макар — надолго застрял в Европе и не нужен ему больше двойник...

О чудо! Остановился в растерянности карающий суд. Замерло колесо басманного правосудия. Вышли на улицы правозащитники. Направил в инстанции запрос *о м б у н д с м е н*. Хохотал над Зверинцом город Дуров: вот оно, ментовское следствие: не правду ищут, а бирки клеют, статьи раздают, звезды ловят! О смех, смех сквозь слезы! Едва заседание началось, ворвался в зал курьер срочный, вручил судье пакет запечатанный, переглянулись судья с прокурором — и остановился независимый суд, не превратился в судилище, не стал Илья Андреем Макаровым. Рассыпалось дело. Под смех и улюлюканье, мол, сам виноват, что оговорил себя, освободили Илью прямо в зале суда.

Как торжествовали и бесновались СМИ, какую горькую правду открыли потрясенному люду — вот оно, следствие; да лучше ли правосудие? Наконец-то настал их час, журналистской братии — полной мерой отплатили силовикам: за все молчание свое! Чем больше молчали, соблюдали табу, тем сильнее теперь прорвало...

В бешенстве уходил из суда полковник Зверинец. Улыбнулись Зверинцу генеральские звезды, а близкая слава обернулась позором — ославили Зверинца журналисты и телевизионщики. Да не одного Зверинца. Славить стали дуровские порядки, будто один такой городок на Руси, будто один такой Зверинец. Эх, Русь, молчаливая страна, стеснительная: все знали, да молчали, и вдруг заговорили наперегонки, смелые стали, будто кто-то сказал: «фас!»

— «Ну погодите, побалуйте, покричите, — мрачно думал Зверинец. — Подожду, пока накричитесь, и заверну гайки. Так заверну, что костяк захрустит», — еще сильнее возненавидел Зверинец Илью. Раньше не знал, за что ненавидел, может, оттого, что презирал всех, теперь же ненавидел особенно, как ненавидит волк выскользнувшую из пасти овцу. С генералами пил, почитал себя ровней, сатрапом немаленьким, а из-за Ильи едва удержался в кресле. А кресло, если подумать, это весь славный город Дуров, с которого собирал

Зверинец дань. Уж тем виноват оказался Илья, что не выгорело у Зверинца, что радовался Илья своей свободе, прямо в клетке кричал и много чего при случае мог рассказать журналистам, если бы те спросили.

Встретили Илью Гавриил и бывший офицер Юрий. Виталий же ушел в Почаевскую лавру к знакомым, замаливать старые грехи. Решил в монастырь идти бывший безбожник. Бог вещь, уверовал ли сильно во Христа или модное поветрие такое. А может, тишины захотелось, уединения, или сильно понравились Гаврииловы молитвы. А Юрий за время отсутствия Ильи снова пытался подать в суд, но документы, как и в прошлый раз, отобрали менты. Видно, дуровская демократия такая.

— Не получился из тебя бандитский король, — приветствовал Илью Юрий. — Выходит, на роду тебе написано быть бомжом. Зато свободным как ветер. Ничего у нас с тобой нет, кроме свободы... А телевизионщики что же, никто не заинтересовался, кто ты и откуда? Им бы только громкий процесс?

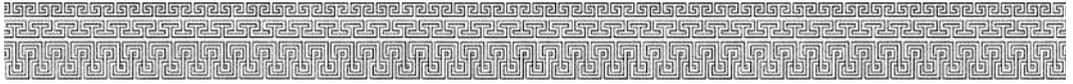
— Нет, никто, — сознался Илья. — А сам я постеснялся подойти.

— Нехорошо получилось. Жди теперь неприятностей.

Словно в воду смотрел Юрий. Начались неприятности с того, что Илья опять опоздал, как на свадьбу к Мирьям. Пока сидел и ждал суда, пока уламывали принять вину, капитана Злыдня, ставшего майором, перевели на работу в областной центр. Продали они с Оксаной квартиру — в ней сейчас другие люди, ни в чем не виновные, приобретатели добросовестные, да и время для иска вышло. А Оксана сбежала с деньгами от Злыдня на Украину. Говорили, нового хахала нашла, с головы до ног татуированного. Ну да бог с ней, пусть летит, бабочка перелетная, ночная; и квартиру Илье не жалко — что жалеть, чего давно нет...

Все забыли про Илью. Все, кроме полковника Зверинца. Потому что Зверинец — власть, а власть, даже самая маленькая, никому не прощает свои поражения. На то она и власть. От Ивана Грозного так повелось, а может, и намного раньше. Зверинец же был экземпляр особенный: хозяин, босс, авторитет. Крышевал город и не мог допустить непокорства. «Закон — тайга, а Зверинец — медведь», — говорили про него в Дурове. Плохо приходилось тому, кто вызывал гнев Зверинца или попадал к нему в лапы. А тут еще Злыдень поставил свою черную метку.

Выждал Зверинец, пока стихло все. А как стихло, страх нашел на город Дуров. Стал Зверинец гайки закручивать да кости ломать. Первым делом вспомнил про Илью: явились на кладбище менты, подхватили Илью под руки, поволокли, как в прошлый раз, напомнили про наркотики. Обманули Илью: в сейфе у Зверинца сохранилось прежнее дело. Не нужно им ни имени, ни фамилии, а вина найдется — перебежал Илья дорогу Зверинцу и Злыдню.

Эх Илья-Илья, как не убежал ты из Дурова? Неужто не почуял опасности? Что же, испить тебе чашу до дна. Кто попал к Зверинцу, не отвертится. Будто вечный двигатель, крутятся жернова государевы, от больших колес вращаются малые, с зубьями. Вечный у них ход, безжалостный, кого хочешь перемелют в муку. Эх, долго не быть тебе бомжом, Илья, быть арестантиком. Далеко до правды, еще дальше до Москвы, разве что до Бога долетит Гавриилова молитва соловецкая...

